

НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ УРАЛА И СИБИРИ В XIX–XXI ВВ.

Р. Р. Гильминтинов, М. Ю. Чупин
**ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И СОПС
О «РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ»
ПРИ ОСВОЕНИИ СИБИРИ (1900–1910-е и 1970–1980-е гг.)***

doi: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-76-85

УДК 94(571):323(2) ББК 63.3(253)

В данной статье анализируются подходы к природопользованию двух ведомств, ответственных за освоение Сибири в Российской империи и СССР — Переселенческого управления и Совета по изучению производительных сил (СОПС). Обе структуры были учреждены в позднеимперский период, проводили практикоориентированные исследования на окраинах с целью экономического планирования и развития азиатских регионов, а затем в разной степени встроились в советскую систему. Сравнение представлений экспертов двух структур позволяет выявить особенности осмысления проблем природопользования в позднеимперский и позднесоветский периоды, освоения азиатских регионов, преемственность и разрывы между двумя режимами. Исследование подходов Переселенческого управления и СОПСа к природопользованию в данной статье демонстрирует, что освоение Сибири было способом построить не только новое общество, но и новые подходы к взаимодействию между обществом и окружающей средой. В статье делается вывод, что цели экспертов Переселенческого управления и СОПСа не носили чисто коммерческий характер — их экспертиза вносила вклад в решение политических, социальных, экологических вопросов, таких как малоземелье европейской части Российской империи, опасность переноса этой проблемы на восток, зависимость от экспорта ресурсов, неравномерное распределение вредных производств и связанная с этим чрезмерная концентрация загрязнения в промышленно развитых регионах. Таким образом, деконцентрация населения и производств и более равномерное их распределение, по мысли экспертов ведомств, не только бы способствовали развитию регионов на периферии, но и ослабляли экологические проблемы в центре.

Ключевые слова: *Переселенческое управление, Совет по изучению производительных сил (СОПС), рациональное природопользование, Сибирь, региональное развитие*

Гильминтинов Роман Радиевич — к.и.н., с.н.с. Школы исследований общества и окружающей среды (Антропощкола), Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
E-mail: r.r.gilmintinov@utmn.ru

Чупин Максим Юрьевич — аспирант факультета исторических и политических наук, Томский государственный университет (г. Томск)
E-mail: maxim.churip.1998@gmail.com

Введение

Когда в 1973 г. председатель Совета по изучению производительных сил (СОПС) Н. Н. Некрасов развивал свое видение проблем размещения производства в Сибири, он включил в свою работу специальный раздел, посвященный охране природных ресурсов. В нем он писал об очистке сточных вод, бережном использовании ресурсов, сохранении лесов и о том, как важны эти проблемы для социального и экономического развития макро-региона.¹ Внимание Н. Н. Некрасова к вопросам охраны природы неудивительно: 1970-е гг. стали периодом глобального экологического поворота, и советские эксперты принимали самое активное участие в этом движении.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 22-78-00189 «Рационализация природопользования: политэкономия, планирование и экологическое регулирование угольной промышленности в 1965–1991 гг.» (работа с материалами Российского государственного архива экономики) (рук. Р. Р. Гильминтинов) и гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири» (выработка теоретической и историографической основы исследования в рамках летней школы «Пространство в/для экологических гуманитарных наук: переосмысление глобального через изучение периферий», 2022) (рук. В. П. Зиновьев)

¹ См.: Некрасов Н. Н. Проблемы Сибирского комплекса. Новосибирск, 1973. С. 64–71.

Однако дискурс, подразумевающий необходимость особого «рационального» подхода к природопользованию при освоении территорий Сибири, начал формироваться значительно раньше — еще в Российской империи. Похожие идеи можно увидеть во многих номерах ведомственного сборника «Вопросы колонизации», который выпускало Переселенческое управление в 1907–1917 гг. Чиновники управления сравнивали Европейскую и Азиатскую части Российской империи с двумя сообщающимися сосудами и предупреждали, что в результате колонизации на окраины перемещались не только люди и производства, но и экологические проблемы, а простое содействие крестьянам, бегущим от кризиса малоземелья в Европейской России, приведет к тому, что «такой же кризис в не очень отдаленном будущем придется испытывать и переселенцу колонизируемых теперь пространств».² Без рационализации хозяйства, адаптации к новому климату, ландшафтам и типам почв переселенческое дело «следует считать построенным на песке».³

В данной статье мы анализируем экологические программы двух ведомств, ответственных за освоение азиатских территорий Российской империи и СССР. Переселенческое управление и Совет по изучению производительных сил (СОПС) имеют много общего. Оба были учреждены в позднеимперский период, проводили практикоориентированные исследования на окраинах, целью которых было управление их экономическим развитием. Оба органа после революции встроились в советскую управленческую структуру и оказали влияние на экономическую политику СССР. Создание Переселенческого управления в 1896 г. стало ответом на вызов аграрно-экологического кризиса, побуждавшего крестьян переселяться из Европейской России в Сибирь и другие азиатские регионы.⁴ Причину этого

кризиса многие эксперты видели в росте числа российского крестьянства, ведущего экстенсивное хозяйство, которое считали «хищническим» и неразвитым. После упразднения Переселенческого управления в 1918 г. сотрудники этого органа до конца 1920-х гг. работали в советских научных и правительственных структурах: Отделе землеустройства Наркомата земледелия (НКЗ), Всесоюзном переселенческом комитете при ЦИК СССР, Отделе колонизации и переселения НКЗ РСФСР и др.

Предшественником СОПСа была Комиссия по изучению естественных производительных сил страны (КЕПС), организованная в 1915 г. для поиска на территории Российской империи природных ресурсов, импорт которых стал невозможен в условиях Первой мировой войны. В фокусе данной статьи находится работа СОПСа в 1960–1980-е гг., потому что в этот период идеи рационального природопользования были интегрированы в сформировавшуюся в СССР систему экологического регулирования. Таким образом, результатом данной работы станет анализ взглядов имперских и советских экспертов на экологические проблемы, возникавшие перед страной на разных этапах ее экономического развития, их понимания «рациональности» размещения сельскохозяйственного и промышленного производства.

Ф. Хилл и К. Гэдди в своей нашумевшей книге «Сибирское бремя» (2007) называют нерациональное размещение производства и населения на территории России ключевым тормозом ее экономического развития. Вместо того чтобы позволить «естественным» рыночным механизмам определить оптимальное расположение экономических объектов и сконцентрировать население там, где существует спрос на рабочую силу, государство на протяжении многих десятилетий активно развивало удаленные и малопригодные для жизни территории — Сибирь, Крайний Север, Дальний Восток. Результатом этого невнимания к законам рынка стали недоразвитость инфраструктуры и замедленное экономическое развитие.⁵

Слепая вера в силу рыночных механизмов является типичной для неоклассических экономистов вроде Ф. Хилл и К. Гэдди. Однако если мы обратимся к истории стран, шедших по пути догоняющего развития, мы не увидим

² Скалов Б. Необходимость организации опытных станций и полей в колонизируемых районах // Вопросы колонизации. 1907. № 1. С. 143.

³ Кокоулин П. Ход переселения, водворения и хозяйственно-устройства переселенцев в Тургайской области // Вопросы колонизации. 1907. № 1. С. 221.

⁴ М. К. Чуркин и Б. С. Токмурзаев обозначили проблему малоземелья в европейской России как «аграрно-экологический кризис», Н. С. Цинцадзе в данном контексте использовала понятие «социоприродный кризис». См.: Чуркин М. К., Токмурзаев Б. С. Аграрная колонизация Степного края: общественно-политический дискурс и имперские практики второй половины XIX — начала XX вв. Омск, 2019. С. 80; Цинцадзе Н. С. Государство, общество и природа в России конца XIX — первой трети XX века. Танго втроем. М., 2019. С. 73.

⁵ См.: Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя: просчеты советского планирования и будущее России. М., 2007. С. 14.

примеров, когда им удавалось выстроить успешную экономику без помощи государства.⁶ Государственное участие может принимать разные формы — от протекционистских тарифов и последовательной инвестиционной политики до национализации отдельных отраслей и экономического планирования по советскому типу. Однако все эти формы не только направлены на наращивание ВВП и других макроэкономических показателей, но имеют социальные и политические цели. Как говорил Г. Мюрдаль еще в 1956 г., государственное участие в развитии — это не только экономика, но и построение нового общества.⁷

Поэтому, изучая проекты освоения азиатских регионов в Российской империи и СССР, важно принимать во внимание не только абстрактные и вневременные законы рынка, но и те общественные и политические проблемы, которые решали эти программы. В нашей статье мы предпринимая попытку сделать дополнительный шаг в направлении, обозначенном Г. Мюрдалем. Мы демонстрируем, что освоение азиатских регионов было способом построить не только новое общество, но и новые подходы к взаимодействию между обществом и окружающей средой.

Можно ли говорить о преемственности в подходах к освоению Сибири между Российской империей и Советским Союзом? Вокруг этого вопроса сформировалась широкая дискуссия, участники которой по-разному смотрят на причины, позволившие дореволюционным специалистам сотрудничать с советской властью, и на их влияние на советскую политику. Так, по мнению П. Холквиста, технократический, антирыночный этос был «культурным мостом» между специалистами Переселенческого управления и советским государством.⁸ Н. Г. Суворова и А. В. Филимонов обозначили дореволюционных и советских исследователей переселения и колонизации как «колонизационных экспертов». На основе изучения автобиографий они установили, что колонизационные эксперты позиционировали

свою работу скорее как службу народу, стране и науке, а не власти.⁹ Ф. Хирш отметила складывание «революционного альянса» между большевиками и дореволюционными этнографами, который был нацелен «на преобразование России в современное государство» и был основан не на марксизме, но на «общей для этнографов и большевиков высокой оценке научного подхода к управлению».¹⁰ По словам Ф. Хирш, этнографы Комиссии по изучению племенного состава населения России, так же, как и КЕПС, созданной во время Первой мировой войны, помогли большевикам «сформировать уникальный подход к трансформации населения», который исследовательница обозначила как «поддерживаемое государством развитие». Этот подход, коренящийся в марксизме и европейских антропологических теориях культурного эволюционизма, Ф. Хирш называет советской версией идеи цивилизационной миссии.¹¹

Значительно меньше в этой литературе уделяется внимания тому, как эксперты формировали подходы к трансформации окружающей среды в процессе колонизации и освоения азиатских регионов Российской империи и СССР, обосновывая одни проекты и критикуя другие. С. Бокинг обозначил такого рода акторов как «экспертов природы», которые «выступают в роли интерпретаторов природных явлений, формулируя далеко идущие практические планы взаимодействия людей и природы».¹² Таким образом, в фокусе данного исследования — проблема рационального и устойчивого природопользования в осмыслении позднеимперских и советских авторов. Статья написана в жанре интеллектуальной экологической истории.¹³

⁹ См.: Суворова Н. Г., Филимонов А. В. Колонизационные эксперты: человеческое измерение миграционных процессов в позднеимперской и раннесоветской России // *Антропология в поисках нового языка описания*. Томск, 2016. С. 5–7; Суворова Н. Г. Делопроизводственные автобиографии колонизационных экспертов: формирующиеся идентичности в условиях Гражданской войны // *Гражданская война на Востоке России* (ноябрь 1917 — декабрь 1922 г.). Новосибирск, 2019. С. 460.

¹⁰ Хирш Ф. *Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза*. М., 2022. С. 88.

¹¹ См.: Там же. С. 27–31.

¹² Boeking S. *Nature's Experts: Science, Politics and the Environment*. New Brunswick, 2004; Лайус Ю. А. История науки и экологическая история: области пересечения дисциплин и «случай Докучаева» // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2009. Т. 30, № 3. С. 46.

¹³ См.: МакНил Дж. *О природе и культуре экологической истории* // *Человек и природа: экологическая история*. СПб., 2008. С. 26.

⁶ См.: Гершенкрон А. *Экономическая отсталость в исторической перспективе*. М., 2015; Chang H. J. *Bad samaritans: The myth of free trade and the secret history of capitalism*. New York, 2019; Lorenzini S. *Global development: A cold war history*. Princeton, 2019.

⁷ См.: Lorenzini S. *Op. cit.* P. 5.

⁸ См.: Holquist P. "In Accord with State Interests and the People's Wishes": The Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration // *Slavic Review*. 2010. Vol. 69, iss. 1. P. 152, 173.

*Переселенческое управление:
от аграрного кризиса Европейской России
к промышленному освоению Сибири*

Создание Переселенческого управления как структуры внутри Министерства внутренних дел в 1896 г. отражало смену правительственного курса от преимущественного запрещения переселения к поддержке переселенческого движения. В 1905 г. Переселенческое управление перешло в Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ, с 1915 г. — Министерство земледелия), в рамках которого функционировало до введения наркоматов в 1917 г. Данное перемещение обозначило изменение целей ведомства — от содействия миграции к сельскохозяйственному развитию азиатских территорий. Кроме того, чиновники артикулировали «прочное закрепление» территорий в составе империи как одну из целей переселения и колонизации.¹⁴ Центральный офис ведомства располагался в Петербурге, а в заселяемых губерниях азиатской России были устроены его переселенческие пункты и партии, статистические отделы, опытные поля, лесные заводы и т. п.

Проблема аграрного кризиса Европейской России была одной из основных для экспертов Переселенческого управления. Рост численности населения и сокращение земель приводили к истощению почвы, сведению на нет необходимых для устойчивого хозяйства выпасов, лугов и лесов. Как следствие, российские крестьяне мигрировали дальше и дальше на восток, чтобы сохранить устаревшее экстенсивное хозяйствование. Вместе с тем преодолеть аграрный кризис в Европейской России, по мысли чиновников Переселенческого управления, было возможно только за счет интенсификации хозяйства, а не одного переселения. Чиновник особых поручений Переселенческого управления Г. К. Гинс писал: «Чаще всего связывают переселение с мерами разрешения аграрного вопроса в Европейской России. Но на густоту населения движение переселенцев не оказывает заметного влияния».¹⁵ Автор «Вопросов колонизации», бывший заведующий уссурийской переселенческой партией

И. В. Введенский, полагал, что переселение имеет ограниченное влияние на решение аграрного вопроса и позволяет успешному переселенцу улучшить свое материальное положение и развивать окраины. Итоговая позиция Переселенческого управления была сформулирована как «не выселение, а заселение», «не количество, а качество».¹⁶ Эксперты ведомства также опасались перенесения аграрного кризиса за Уральские горы в результате наплыва новых переселенцев, сокращения земельного простора окраин.¹⁷ Данные экологические проблемы исчерпания земельных и лесных ресурсов колонизируемых территорий осмысливались в рамках теории абсолютного и относительного малоземелья, развиваемой известным статистиком А. А. Кауфманом.

Эксперты Переселенческого управления нередко использовали словосочетания, включающие слова «рациональный» и «устойчивый», в контексте природопользования. Эти понятия не были концептуализированы, но характеризовали специфические экологические проблемы того периода (прежде всего, проблемы лесного и сельского хозяйства), к которым привлекал внимание историк Й. Радкау.¹⁸ Редактор сборника «Вопросов колонизации», ревизор землеустройства Переселенческого управления, а затем (в 1916–1917 гг.) и глава Переселенческого управления Г. Ф. Чиркин в статье 1911 г. призывал к тому, что «нужно упорядочить и направить в рациональное русло использование этих естественных даров природы», так как «прежние хищнические приемы полевого хозяйства грозят истощением земли».¹⁹ Так же, как в наше время, словосочетания со словами «рациональный» и «устойчивый» обозначали возобновляемость природных ресурсов.

Но особенностью понимания «устойчивости» у экспертов Переселенческого управления Российской империи были представления о недостаточной автономности человека от природы, уязвимости от неблагоприятных для сельского хозяйства лет с низким уровнем осадков, ранними морозами и т. п., приводящими

¹⁴ См.: Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Колонизация азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века. Омск, 2013. С. 162–164.

¹⁵ Гинс Г. Вопросы колонизации Азиатской России и «выставка по переселенческому делу» (с 29 иллюстрациями) // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 47.

¹⁶ Введенский И. Землеустройство и колонизация // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 118, 119.

¹⁷ См.: Скалов Б. Необходимость организации опытных станций и полей в колонизируемых районах // Вопросы колонизации. 1907. № 1. С. 143.

¹⁸ См.: Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М., 2014. С. 22.

¹⁹ См.: Чиркин Г. О задачах колонизационной политики в Сибири // Вопросы колонизации. 1911. № 8. С. 14.

к неурожаем и голодным годам.²⁰ Эта мысль прослеживается и в записке главы правительства П. А. Столыпина и главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина о поездке в Поволжье и Сибирь.²¹ Эксперты также отмечали локальные проблемы истощения почвы, вынуждавшие крестьянина переселиться на новое место, вырубку строевого или дровяного леса вблизи крестьянских поселений. Устойчивости и рациональности хозяйства должны были способствовать землеустройство, кредитование и агрономическое просвещение, в том числе популяризация многополья, травосеяния, удобрений, улучшенных семян и орудий, ориентации на несколько агрокультур и сфер хозяйства: не только земледелие, но и огородничество, скотоводство, промыслы.²² Переселенческое управление (пусть и в ограниченном виде) практически реализовывало установку на рациональность и устойчивость содействием культурно-хозяйственному устройству крестьян (рациональное межевание), а также оказанием им агрономической помощи.²³

Вместе с тем, как правило, ориентация на восстановление ресурсов среди экспертов Управления была сугубо пользовательской, а освоение природных богатств нередко сопровождалось природопокорительной лексикой борьбы. Например, чиновник Л. П. Трипольский говорил о «культурном завоевании безлюдных лесных пространств».²⁴ Ориентация на природопокорение, по мнению Н. С. Цинцадзе, была характерна для советского, а не имперского периода.²⁵ Однако наши материалы демонстрируют, что природопокорительство было присуще еще чиновникам Российской империи.

Планы экспертов Переселенческого управления не ограничивались развитием крестьянского хлебопашества. Г. К. Гинс призывал

выйти за пределы аграрного переселения и проводить колонизацию, под которой он понимал «политику всестороннего культурного развития незаселенных и слабо заселенных пространств».²⁶ Многие чиновники Переселенческого управления видели в отсутствии плана колонизации один из главных недостатков колонизационной политики Российской империи. Авторы Переселенческого управления настаивали на замещении импортных товаров и материалов за счет развития окраинных территорий, писали о перспективах развития хлопководства в Туркестане и животноводства в Степном крае, рыболовства на Дальнем Востоке, что позволило бы отказаться от импорта соответствующих товаров.²⁷ Эксперты ведомства обращали внимание на возможности развития на окраинах добывающей промышленности (угля, металлов), а экспедиции Переселенческого управления включали поиск полезных ископаемых. Г. Ф. Чиркин предложил создать центр хлопчатобумажного производства на Алтае, где уже наблюдалось достаточное количество земледельческого населения, для формирования контингента рабочих.²⁸

Проблема исчерпания минеральных ресурсов также поднимается в издании Переселенческого управления — «Вопросах колонизации». Так, помощник главного агента ГУЗиЗ в Соединенных Штатах А. К. Коль заимствовал идеи американского экологического движения и написал статью о теории сбережения природных богатств (*conservation*) в изложении геолога Ч. Р. Ван Хизе. В данной статье также присутствуют упоминания о «бережности» в отношении к природе, «нуждах будущих поколений» и утверждение о исчерпаемости ископаемых²⁹ (впрочем, многие ведомственные авторы называли природные богатства Сибири неисчерпаемыми).³⁰

Идея планомерной колонизации с выраженной промышленной компонентой не была реализована в Российской империи, но оказалась

²⁰ См.: Гинс Г. Вопросы колонизации Азиатской России... С. 76, 77; Введенский И. Организация сельского хозяйства в Сибири и его прогрессивный рост // Вопросы колонизации. 1914. № 16. С. 40.

²¹ См.: Записка председателя Совета Министров и Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием о поездке в Сибирь в 1910 г. // Вопросы колонизации. 1911. № 8. С. 330.

²² См.: Кокоулин П. Указ. соч. С. 221.

²³ См.: Захарова Н. В. Организация государственной помощи переселенцам Тобольской губернии в годы столыпинской аграрной реформы // Клио. 2005. № 3 (30). С. 151–159.

²⁴ Трипольский Л. Опыты обращения лесных пространств в Сибири в сельскохозяйственные угодья и необходимость правительственной помощи переселенцам в деле раскорчевки леса Сибири // Вопросы колонизации. 1914. № 15. С. 95.

²⁵ См.: Цинцадзе Н. С. Указ. соч. С. 368.

²⁶ Гинс Г. Переселение и колонизация // Вопросы колонизации. 1913. № 12. С. 76.

²⁷ См.: Чиркин Г. О задачах колонизационной политики в Сибири // Вопросы колонизации. 1911. № 8. С. 36.

²⁸ См.: Он же. О колонизационно-культурных задачах после войны // Вопросы колонизации. 1916. № 18. С. 28.

²⁹ См.: Коль А. Учение о консервации или сбережения природных богатств государств в связи с американской гомстедной системой наделения переселенцев землею // Вопросы колонизации. 1913. № 12. С. 131.

³⁰ См.: Чиркин Г. О колонизационно-культурных задачах... С. 46.

близка советской плановой экономике,³¹ что позволило переселенческим чиновникам занять посты в Отделе колонизации и переселения НКЗ РСФСР, Всесоюзном Переселенческом комитете при ЦИК СССР, Государственном научно-исследовательском колонизационном институте (Госколонит), который участвовал в подготовке колонизационного плана для Госплана СССР. Бывший чиновник Переселенческого управления Российской империи, большевик И. Л. Ямзин в 1920-х гг. полагал, что тяжесть колонизации должна сместиться с аграрной на промышленную составляющую из-за необходимости добиться развития обеих отраслей и специфики земельного фонда, малопригодного для сельского хозяйства.³² Еще в Первую мировую войну Г. Ф. Чиркину при строительстве Мурманской железной дороги удалось реализовать идею увязки колонизации глухих лесистых местностей и проведения железнодорожных путей. Идея «пионерно-колонизационной» железной дороги активно поддерживалась советской властью.³³ Однако к началу 1930-х гг. работы обоих экспертов были раскритикованы, а колонизационное направление было разгромлено.

СОПС и проблема экологических эффектов неравномерного развития территорий СССР

Создание в 1915 г. Комиссии по изучению естественных производительных сил страны (КЕПС) стало ответом российского научного сообщества на вызов Мировой войны. Как пишет А. Кожевников, вплоть до столкновения на Европейском континенте российские ученые ощущали себя частью международного научного сообщества и были лояльны прежде всего ему, а не царю.³⁴ Оказавшись по разные стороны баррикад со своими немецкими коллегами, они сокрушались о потерянных научных контактах и осуждали варварство, которое несла с собой война. Линия фронта, однако, не только разделила ученых из разных стран Европы, но и разорвала торговые связи. Выяснилось, что российская промышленность находилась в сильной зависимости от поставок стратегического сырья из-за границы. Залежи таких ключевых для производства вооружения элементов, как вольфрам, молибден, сер-

ный колчедан, сера, свинец, селитра, конечно, имелись на территории Российской империи, но их запасы не разрабатывались и зачастую вообще были не разведаны. Наибольшее развитие работа КЕПС получила уже после окончания Первой мировой и гражданской войн. Специалисты комиссии принимали участие в разработке плана ГОЭЛРО, организовали множество экспедиций в разные уголки СССР.

В 1930 г., в разгар Первой пятилетки, КЕПС была реорганизована в Совет по изучению производительных сил (СОПС), а его штат был значительно расширен. Можно предположить, что возросшая роль СОПСа была ответом на изменившуюся ситуацию в глобальной экономике. В условиях Великой депрессии многие страны пошли по пути протекционизма и изоляции, надеясь защитить свои внутренние рынки от обрушения. Как пишет О. Санчес-Сибони, сталинский изоляционизм был скорее реакцией на эту глобальную тенденцию, чем позитивной экономической политикой руководства страны.³⁵ Поэтому опора на собственные природные ресурсы стала важнейшим условием выживания и основой форсированной индустриализации.

В 1960 г. СОПС был выделен из состава Академии наук и вошел в структуру Госплана, что в еще большей степени повысило значимость работы совета для экономического и социального развития СССР. СОПС стал головной организацией в территориально-экономических исследованиях, начал разрабатывать Генеральные схемы развития и размещения производительных сил.

Генеральные схемы развития и размещения производительных сил становились, по сути, самым первым звеном в цепи народнохозяйственных планов и имели наибольший временной горизонт. Генеральные схемы представляли собой подробный анализ экономического потенциала страны, который увязывал в единую систему наличные природные и трудовые ресурсы, направления развития отдельных отраслей народного хозяйства и регионов. Генеральная схема развития и размещения производительных сил на 1975–1990 гг., например, представляла собой документ, состоящий из 45 книг, в общей сложности на 2 509 страниц.³⁶

³¹ См.: Holquist P. Op. cit. P. 151–179.

³² См.: Ямзин И. Л., Вошинин В. П. Учение о колонизации и переселениях. М., 1926. С. 129.

³³ См.: Чиркин Г. Ф. Советская Канада. Л., 1929. С. 8.

³⁴ См.: Кожевников А. В. Stalin's Great Science: The Times and Adventures of Soviet Physicists. London, 2004. P. 1.

³⁵ См.: Sanchez-Sibony O. Red Globalization: The Political Economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev. New York, 2014. P. 250.

³⁶ См.: ПГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 6863. Л. 6.

Таким образом, ключевой проблематикой работы КЕПС, а затем и СОПС изначально было обеспечение ресурсной автаркии Советского Союза в условиях враждебного окружения капиталистических стран. Эта тема никогда полностью не исчезала из повестки работы этого института. СОПС становился своего рода агентом «экстенсификации» экономики: представление о необходимости равномерно развивать регионы страны означало, что в Генеральных схемах главное внимание уделялось освоению малонаселенных территорий Сибири и Дальнего Востока. Эта перспектива оказала большое влияние и на экологическую программу СОПСа, сформировавшуюся в 1960–1980-е гг.

В 1970-х гг. вопросы рационального природопользования стали неотъемлемой частью народнохозяйственного планирования. Начиная с 1975 г., годовые и пятилетние планы на всех уровнях включали в себя специальный раздел «Охрана природы и рациональное использование природных ресурсов». Этот раздел устанавливал нормы загрязнения воздуха и сброса неочищенных вод, распределял капиталовложения на переоборудование предприятий, показатели потерь полезных ископаемых при их добыче, пределы земельных отводов и т. д. Территориальное планирование не стало исключением. Уже в процессе обсуждения Генеральной схемы развития и размещения производительных сил на 1975–1990 гг. в Госплане в первой половине 1970-х гг. мы можем видеть, что проблема загрязнения и истощения ресурсов становится центральной.³⁷

Проблема поиска рациональности в размещении производства заняла важное место в научной и практической работе специалистов СОПСа. Так, в 1978 г. СОПС выпустил сборник материалов, которые рассматривали взаимосвязь между размещением различных отраслей хозяйства и проблемами охраны окружающей среды. Через доклады, посвященные энергетике, цветной и черной металлургии, горнодобывающей и коксохимической промышленности красной нитью проходила критика чрезмерной концентрации производства в западных регионах СССР. Г. И. Людоговский спорил с экономистами, которые считали более целесообразным строить вторые блоки предприятий черной металлургии в европейской части страны из-за более низких капитальных затрат. Эта экономия была, по его мнению, мнимой. Среди

прочего он указывал на то, что из-за высокой концентрации производства в развитых регионах уровень загрязнения приближался к предельно допустимым значениям. Это создавало необходимость более тонкой и дорогой очистки выбросов завода, чем при его размещении в другом районе, который не насыщен промышленными предприятиями.³⁸ Таким образом, проблемой были не абсолютные, а относительные показатели загрязнения.

Проблема чрезмерной концентрации производства привела к тому, что уже в конце 1980-х гг. эксперты СОПСа рекомендовали не ограничить, а полностью остановить сооружение новых объектов в наиболее промышленно развитых Донецко-Приднепровском и Центральном экономических районах. Специалисты СОПСа Н. Н. Лукьянчиков и Л. П. Александров, которые в Генеральной схеме развития и размещения производительных сил СССР на период до 2005 г. отвечали за раздел, посвященный охране окружающей среды, утверждали, что «экологические резервы» этих регионов полностью исчерпаны. По их подсчетам, новые производства в индустриально развитых районах европейской части СССР принесут только убытки, связанные с ущербом здоровью населения. В 1970–1980-е гг. заболеваемость в СССР в среднем возросла в четыре раза, а в наиболее промышленно развитых районах — в 10 раз. Это ежегодно наносило ущерб в 35 млрд руб., а при отсутствии эффективных мер по снижению выбросов в промышленных центрах эта сумма к 2005 г. могла удвоиться.³⁹

Ко второй половине 1980-х гг. относятся также первые попытки специалистов СОПСа дать определение понятию «рационализации», которое они использовали в своих предложениях по размещению производства и природопользованию. Так, в 1988 г. методологические аспекты охраны среды стали отдельным направлением в работе над очередной Генеральной схемой размещения производительных сил, которую разрабатывал коллектив экспертов под руководством Н. Н. Лукьянчикова. Вот что они писали в параграфе, посвященном использованию минерально-сырьевых ресурсов:

«По нашим представлениям понятие “рационализация” есть категория экономическая и... [оно] оказывается адекватным понятию

³⁷ См.: Там же.

³⁸ См.: РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 1573. Л. 43.

³⁹ См.: Там же. Д. 1912. Л. 5.

“максимальное повышение народнохозяйственной эффективности воспроизводства и использования ресурсов” при условии соблюдения объективных количественных, качественных, экономических и других ограничений, свойственных текущему или прогнозируемому уровню научно-технического прогресса и состоянию окружающей природной среды». ⁴⁰

Это определение примечательно сразу по двум причинам. Во-первых, оно постулирует рационализацию как экономическую категорию. Специалистам СОПСа было важно использовать измеримые экономические показатели для обоснования тех или иных вариантов использования природных ресурсов и размещения промышленности. Выше мы уже видели, как рост расходов на здравоохранение использовался в качестве шкалы для определения степени деградации окружающей среды. Во-вторых, в определении рационализации содержится важное понятие народнохозяйственной эффективности, которое означало планомерное развитие экономики страны в целом, а не отдельных его частей. ⁴¹ Решения, которые были выгодны отдельному предприятию, отрасли или территориальной единице, могли разрушать среду, необходимую для работы других, и тем самым приносить народному хозяйству больше вреда, чем пользы.

Таким образом, подходы специалистов СОПСа к проблеме загрязнения окружающей среды хорошо вписывались в более широкую концепцию экономического и социального развития страны. Промышленный потенциал был переосмыслен не только как социальное благо, но и как источник угрозы окружающей среде и общественному здоровью. Равномерное размещение промышленных объектов по территории СССР решало сразу обе эти про-

блемы: оно несло с собой прогресс в отдаленные районы и при этом позволяло поддерживать уровень загрязнения среды в развитых районах ниже опасного уровня.

Подводя итог, сформулируем два ключевых вывода. Во-первых, модели развития, которые предлагали Переселенческое управление и СОПС, не ограничивались чисто экономической, коммерческой выгодой. Они охватывали как проблемы развития производительных сил, так и вопросы обеспечения безопасности границ, преодоления зависимости от импорта и улучшения положения крестьян и жителей промышленных центров. Во-вторых, оба ведомства стремились сформировать «рациональные» подходы в сфере природопользования, но первые попытки дать формальное определение этого понятия относятся только к концу 1980-х гг. Они связываются с противоречием между интересами отдельных предприятий, отраслей и территорий и народным хозяйством страны в целом. По мнению специалистов СОПСа, соблюдение «народнохозяйственной эффективности» будет по определению обеспечивать рациональность природопользования, так как разрушение окружающей среды может быть выгодно только отдельным экономическим агентам, но не народному хозяйству в целом. Чиновники Переселенческого управления использовали слова «устойчивость» и «рациональность», отсылая к привычной для современного читателя проблеме воспроизводства ресурсов, но в начале XX в. эти понятия приобретали дополнительные коннотации, связанные с преодолением зависимости хозяйства от природы — неурожайных годов, приводивших к голоду.

Roman R. Gilmintinov

Candidate of Historical Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen)

E-mail: r.r.gilmintinov@utmn.ru

Maxim Yu. Chupin

Postgraduate student, Tomsk State University (Russia, Tomsk)

E-mail: maxim.chupin.1998@gmail.com

⁴⁰ Там же. Д. 1880. Л. 57.

⁴¹ См.: Экономическая энциклопедия: политическая экономия: в 4 т. М., 1972. Т. 3. С. 27.

RESETTLEMENT ADMINISTRATION AND SOPS ON THE
“RATIONALIZATION OF NATURE MANAGEMENT”
IN THE DEVELOPMENT OF SIBERIA (1900–1910s and 1970–1980s)

The article analyzes the approaches to nature management of two departments responsible for the development of Siberia in the Russian Empire and the USSR: the Resettlement Administration and the Council for the Study of Productive Forces (*Sovet po izucheniyu proizvoditel'nyh sil* – SOPS). Both structures were established in the late imperial period, carried out practice-oriented research on the outskirts for the purpose of economic planning and development of Asian regions, and then, to varying degrees, were integrated into the Soviet system. Comparison of the views of the experts from these two structures makes it possible to reveal the peculiarities of understanding the problems of nature management in the late imperial and late Soviet periods, the development of Asian regions, continuity and gaps between the two regimes. Studying the approaches of the Resettlement Administration and SOPS to nature management demonstrates that the development of Siberia was a way to build not only a new society, but also new approaches to the interaction between society and the environment. The article concludes that the goals of the experts of the Resettlement Administration and SOPS were not purely commercial in nature, their expertise contributed to the solution of political, social, environmental issues, such as the shortage of land in the European part of the Russian Empire; the danger of transferring this problem to the east; dependence on resource exports; uneven distribution of hazardous industries and the associated with it excessive concentration of pollution in industrialized regions. Thus, the deconcentration of the population and industries and their more even distribution, according to the experts, would not only contribute to the development of regions on the periphery, but also weaken environmental problems in the center.

Keywords: Resettlement Administration, Council for the Study of Productive Forces (SOPS), rational nature management, Siberia, regional development

REFERENCES

- Bocking S. *Nature's Experts: Science, Politics and the Environment*. New Brunswick: Rutgers University Press, 2004. (in English).
- Chang H. J. *Bad Samaritans: The Myth of Free Trade and the Secret History of Capitalism*. New York: Bloomsbury Press, 2009. (in English).
- Chirkin G. F. *Sovetskaya Kanada* [Soviet Canada]. Leningrad: P. P. Soykin Publ., 1929. (in Russ.).
- Churkin M. K., Tokmurzaev B. S. *Agrarnaya kolonizatsiya Stepnogo kraya: obshchestvenno-politicheskiy diskurs i imperskiye praktiki vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.* [Agrarian Colonization of the Steppe Region: Socio-Political Discourse and Imperial Practices of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Omsk: OmGPU Publ., 2019. (in Russ.).
- Ekonomicheskaya entsiklopediya: Politicheskaya ekonomiya: v 4 t.* [Economic Encyclopedia: Political Economy: in 4 vols.]. Moscow: Sov. Entsiklopediya Publ., 1972, vol. 3. (in Russ.).
- Gerschenkron A. *Ekonomicheskaya otstalost' v istoricheskoy perspektive* [Economic Backwardness in Historical Perspective]. Moscow: Delo Publ., 2015. (in Russ.).
- Hill F., Gaddy K. *Sibirskoye bremya: proshchety sovetskogo planirovaniya i budushcheye Rossii* [The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold]. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyy forum po mezhdunarodnym otnosheniyam Publ., 2007. (in Russ.).
- Hirsch F. *Imperiya natsiy. Etnograficheskoye znaniye i formirovaniye Sovetskogo Soyuza* [Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union]. Moscow: NLO Publ., 2022. (in Russ.).
- Holquist P. “In Accord with State Interests and the People’s Wishes”: The Technocratic Ideology of Imperial Russia’s Resettlement Administration. *Slavic Review*, 2010, vol. 69, iss. 1, pp. 151–179. DOI: 10.1017/S0037677900016739 (in English).
- Kojevnikov A. *Stalin's Great Science: The Times and Adventures of Soviet Physicists*. London; Singapore; River Edge, NJ: Imperial College Press, 2004. (in English).
- Lajus Yu. A. [History of Science and Environmental History: Intersection of the Disciplines and the “Dokuchaev Case”]. *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki* [Studies in the History of Science and Technology], 2009, vol. 30, no. 3, pp. 43–47. (in Russ.).

- Lorenzini S. *Global development: A Cold War History*. Princeton: Princeton University Press, 2019. (in English).
- McNeill J. [Observations on the Nature and Culture of Environmental History]. *Chelovek i priroda: ekologicheskaya istoriya* [Man and Nature: Environmental History]. Saint Petersburg: Evropeyskiy un-t v Sankt-Peterburge Publ., 2008, pp. 23–83. (in Russ.).
- Nekrasov N. N. *Problemy Sibirskogo kompleksa* [Problems of the Siberian Complex]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo Publ., 1973. (in Russ.).
- Radkau J. *Priroda i vlast'. Vsemirnaya istoriya okruzhayushchey sredy* [Nature and Power. World Environmental History]. Moscow: ID “Vysshaya shkola ekonomiki” Publ., 2014. (in Russ.).
- Remnev A. V., Suvorova N. G. *Kolonizatsiya aziatskoy Rossii: imperskiye i natsional'nyye stsenarii vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka* [Colonization of Asian Russia: Imperial and National Scenarios of the Second Half of the 19th — Early 20th Century]. Omsk: “Nauka” Publ., 2013. (in Russ.).
- Sanchez-Sibony O. *Red Globalization: The Political Economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev*. New York: Cambridge University Press, 2014. (in English).
- Suvorova N. G. [Autobiographies of Colonization Experts in Record-Keeping Materials: Emerging Identities in the Civil War]. *Grazhdanskaya voyna na Vostoke Rossii (noyabr' 1917 — dekabr' 1922 g.)* [Civil War in the East of Russia (November 1917 — December 1922)]. Novosibirsk: Izd-vo Sibirskogo otdeleniya RAN Publ., 2019, pp. 454–463. DOI: 10.31518/978-5-7692-1664-0-454-463 (in Russ.).
- Suvorova N. G., Filimonov A. V. [Colonization Experts: The Human Dimension of Migration Processes in Late Imperial and Early Soviet Russia]. *Antropologiya v poiskakh novogo yazyka opisaniya* [Anthropology in Search of a New Language of Description]. Tomsk: TomGU Publ., 2016, pp. 5–7. (in Russ.).
- Tsintsadze N. S. *Gosudarstvo, obshchestvo i priroda v Rossii kontsa XIX — pervoy treti XX veka. Tango vtroyom* [State, Society and Nature in Russia at the End of the 19th — First Third of the 20th Century. Tango for Three]. Moscow: “Aleteyya” Publ., 2019. (in Russ.).
- Yamzin I. L., Voschinin V. P. *Ucheniye o kolonizatsii i pereseleniyakh* [The Doctrine of Colonization and Resettlement]. Moscow: Gosudarstvennoye Izdatel'stvo Publ., 1926. (in Russ.).
- Zakharova N. V. [Organization of State Assistance to Migrants of the Tobolsk Province during the Stolypin Agrarian Reform]. *Klio* [Clio], 2005, no. 3 (30), pp. 151–159. (in Russ.).

Для цитирования: Гильминтинов Р. Р., Чупин М. Ю. Переселенческое управление и СОПС о «рационализации природопользования» при освоении Сибири (1900–1910-е и 1970–1980-е гг.) // Уральский исторический вестник. 2023. № 4 (81). С. 76–85. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4 (81)-76-85.

For citation: Gilmintinov R. R., Chupin M. Yu. Resettlement Administration and SOPS on the “Rationalization of Nature Management” in the Development of Siberia (1900–1910s and 1970–1980s) // Ural Historical Journal, 2023, no. 4 (81), pp. 76–85. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-76-85.